

ДОЧЕРИ ИНДИИ

О. БЕСКРОВНАЯ

НЕ ДУМАЮ о том, что я женщина. Прежде всего я — человек, призванный к служению стране». Так заявила Индира Ганди вскоре после того, как стала премьер-министром Индии. Эти слова могли бы сказать о себе многие ее соотечественницы. Перелистывая яркие страницы истории борьбы индийского народа за свободу и независимость, мы встречаем немало примеров их высокой отваги и самопожертвования.

...1857 год. Великое антиколониальное восстание охватило Индию. Плечом к плечу с мужчинами в битве за свободу сражались и женщины. До сих пор рассказывают в народе о юной рани — княгине провинции Джанси.

Рани Лакшми Бай лично руководила обороной форта, разделяя со своими подданными все тяготы осады. Когда же сопротивление стало бессмысленным, она, как гласит предание, вскачила на коня, держа в одной руке обнаженную саблю, а другой прижимая к груди маленького сына. 17 июня 1858 года она пала смертью храбрых, сражаясь против колонизаторов.

Прославленной героиней народной войны 1857 года была и Мата Махарани Тапасвини. Мата смолоду мечтала отдать себя делу освобождения родины. Оказавшись после смерти отца хозяйкой крупного имения, она начала исподволь готовиться к открытой вооруженной борьбе с колонизаторами, укрепляла свой замок. Это не осталось незамеченным. Колониальные власти арестовали смелую женщину. Когда началось восстание, Мата

была уже на свободе и сражалась с оружием в руках. После поражения ей пришлось бежать в Непал вместе с полководцем Нана Сахибом, возглавлявшим армию повстанцев. Позднее она встретила с Б. Г. Тилаком — одним из лидеров левого крыла партии Индийский национальный конгресс. Мата Махарани предложила ему организовать производство оружия в Непале, где у нее сохранились деловые связи. Под видом мануфактуры был открыт оружейный завод. Правда, просуществовал он недолго — английские власти напали на след революционеров, так и не узнав, однако, кто же стоял во главе заговора...

Новый подъем освободительного движения в XX веке рождает новых героев, и снова активное участие в борьбе принимают индийские женщины.

...Шарла Деви Шадури вступила на путь революции под влиянием Ауробиндо Гхоша — видного индийского философа, руководителя тайного «Общества прогресса» в Бенгалии, была его помощницей и представителем во многих городах, где возникали филиалы общества. Выйдя замуж за известного общественного деятеля Шадури, она переехала в Пенджаб, где в тот момент набирало силу революционное движение, помогала печатать и распространять листовки, сыгравшие важную роль в воспитании революционного сознания индийцев.

В марте 1919 года вступил в силу так называемый закон Роулетта, давший полиции неограниченные права в расправе с индийскими патриотами. Муж Шарлы Деви был в первых рядах движения протеста против этого варварского закона. Английские власти приговорили его к пожизненной каторге. Но и этот жестокий удар не сломил волю отважной женщины. До конца своих дней она оставалась верной идеям революции.

Накануне первой мировой войны в среде индийских эмигрантов в Западной Европе, как и в самой Индии, выдвигаются руководители, зовущие народ к решительной борьбе. Среди них — женщина по имени Кама, которую друзья называют «матерью индийской революции», — страстный борец, прирожденный оратор. В 1907 году Кама избрана делегатом конгресса II Интернационала в Штутгарте. Вы-

ступая на конгрессе, она выходит на трибуну с развернутым трехцветным флагом. «Этот флаг, — говорит она, — флаг независимости Индии. Он существует, он уже окроплен кровью молодых борцов».

С началом первой мировой войны полиция организовала слежку за Камой, ее обязали каждую неделю проходить регистрацию. Британская почта перехватывала письма, которые Кама отправляла в Индию. Все имущество ее на родине было конфисковано, здоровье пошатнулось: сказалось напряжение, неустроенность быта, частые переезды. Она становится беспомощным инвалидом. Ей разрешают вернуться в Индию. Но такова была слава неистовой революционерки, что со слабой, больной женщины взяли подписку о благонадежности. В 1936 году она умерла в Бомбее...

...Идет завершающая фаза борьбы Индии за независимость. Видным деятелем левого крыла партии Индийский национальный конгресс становится Аруна Асаф Али. Колонизаторы заключают ее в тюрьму за активное участие в кампании ненасильственного сопротивления. Выйдя на свободу в 1942 году, она продолжает борьбу уже в подполье. Лучшее всего характеризуют эту мужественную женщину слова ее соратников: «Героиня 1857 года — рани Джанси, а героиня 1942 года, несомненно, Аруна Асаф Али».

Сегодня Аруна Асаф Али — видный общественный деятель Индии, вице-президент Индийско-советского общества по развитию культурных связей, член президиума Всеиндийского совета мира и Всемирного Совета Мира. Ей присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

В когорте славных дочерей Индии достойнейшее место занимает выдающийся государственный деятель современности — премьер-министр Индира Ганди. С ее именем связаны успехи страны в строительстве новой, самостоятельной жизни, растущая международная роль Индии, дальнейшее упрочение и расширение советско-индийской дружбы и сотрудничества, осуществление политики, направленной против неоколониализма, на укрепление мира и оздоровление международной обстановки.

Магазин индусский — говорим по-русски

Л. ДЕМИН

ТОРГОВЛЕЙ в Сингапуре занимаются в основном выходцы из Китая и Индии. Лавочники-индийцы предпочитают торговать тканями, коврами, готовым платьем, галантереей. Китайцы торгуют всем, начиная от мебели и кончая транзисторными приемниками.

Иду однажды по многолюдной торговой улице. Вдоль улицы тянется торговый ряд с крытой галереей — нечто вроде гостиного двора. Тесно жмутся друг к другу лавчонки, маленькие ресторанчики. Иногда в потоке прохожих слышится русская речь. Это наши моряки с торговых судов. Редкий день обходится без того, чтобы на рейде Сингапура не бросили якорь два-три советских теплохода.

Сингапурский торговец.

Фото ТАСС

Из какой-то лавки высовывается полный, круглолицый парень-индеец и атакует меня.

— Мистер! Эй, мистер! Русский? Магазин индусский, говорим по-русски!

Не успеваю опомниться, как проворный малый подсакивает ко мне и протягивает визитную карточку. На ней название магазинчика — «Парижский шелк», а под ним по-русски с чудовищными опечатками перечисляются товары, которыми торгует «фирма».

Из любопытства захожу в лавку. Заведение не из шикарных. Пахнет затхлостью залежалых товаров. Продаются аляповатые, давно вышедшие из моды ковры с библейскими сюжетами, дешевые клеенчатые чемоданы, графины с потайными органчиками, пестрый китайский шелк. Хозяйка — семейство темнокожих тамилы — суетятся, словно давно и с нетерпением меня поджидали. Кто-то ставит на стол бутылку кока-колы. Сын хозяйки, тот самый, что поймал меня на тротуаре, произносит на относительно сносном русском языке целую речь. Смысл ее примерно таков: русские и индийцы — друзья; только по этой причине здесь говорят на родном языке мистера, только здесь его хорошо обслуживают — пусть мистер сам в этом убедится.

Произносятся старательно заученную речь, молодой бизнесмен даже почти не путался в русских окончаниях. Престарелый глава семьи тем временем чинно восседал в углу на высоком табурете подобно восточному божку и лишь одобрительно кивал головой. А другие «сотрудники фирмы» — очевидно, братья оратора и сыновья старика — суетились, разворачивая передо мной рулоны шелка, вытряхивая из коробок на прилавки женские кофточки, чулки, галстуки, заставляя звучать скрытые в днищах графинов потайные органчики. Чтобы отделаться от их чрезмерной любезности, я соврал, что ищу проигрыватель и бархатные портьеры на окна.

— Какой марки проигрыватель и какого цвета портьеры хотел бы купить господин? — серьезно спросил меня сам старый хозяин. — У нас этих товаров нет, но они могут быть у соседей. Пусть мистер выпьет еще одну бутылочку кока-колы. А мой сын тем временем добудет все что нужно.

Я покачал головой, пытаясь остановить его.

— О, пусть мистер не беспокоится. Это не встанет ему дороже ни на один цент. Это нам выгодно. Мы получим от соседа комиссионные за то, что нашли ему покупателя.

— Как-нибудь в другой раз, — отнекивался я. — Лучше я куплю у вас этот музыкальный графин.

Когда я выходил из лавки с ненужным мне графином, круглолицый парень, который говорил по-русски, сунул мне в руки пакетик с разноцветными кусочками тканей.

— Образцы наших товаров. Пусть мистер передаст это своим друзьям. Быть может, они захотят что-нибудь купить у нас.

— У вас способности к русскому языку, — сказал я парню. Он благодарно заулыбался.

— Мистер, наверное, удивился, услышав мою русскую речь? Магазин индусский, говорим по-русски! Русский язык нужен для дела. В городе всегда много наших моряков. Сингапур — большой торговый центр. Каждый русский моряк хочет купить сувенир для себя, для жены или невесты — пеструю рубашку, галстук с пальмой, сумочку из крокодиловой кожи. Отец сказал однажды: «Сыновья, кому-нибудь из вас придется выучить русский язык. Фирма заинтересована в том, чтобы клиенты с русских кораблей приходили к нам, а не к другим лавочникам». Братья решили: мне, самому младшему, легче будет учиться. Учись, сказал отец. Слово отца для нас закон. Да и что не сделаешь ради хорошего бизнеса? Даже станешь учить ваш чертовски трудный язык.

Вот так сын сингапурского лавочника научился болтать по-русски и даже составлять тексты для рекламных карточек. Да не он один. Многие сингапурцы взялись за изучение русского языка. Было бы только желание! Можно найти самоучитель, нанять учителя — какого-нибудь заброшенного сюда волею судьбы русского скитальца-эмигранта — или, наконец, поступить на курсы русского языка. В Сингапуре есть такие курсы. Ведь русский язык нужен для дела.